

Л. П. Казаманова

К ВОПРОСУ О СЕМЬЕ И НАСЛЕДСТВЕННОМ ПРАВЕ НА КРИТЕ в VI—V вв. до н. э.

Неравномерность исторического развития греческих полисов и специфические исторические условия формирования некоторых из них привели к тому, что в Греции в классическую эпоху существовал ряд общин, существенно отличавшихся от привычного образца греческого полиса — Афин. Это так называемые «отсталые» районы Греции — Спарта, Крит, Фессалия, Арголида и др. Наличие многочисленных черт сходства в общественном строе и в жизни этих областей позволяет утверждать, что существование этих общин в истории греческого общества было явлением достаточно типичным и закономерным.

Не менее важным является и другой факт — определенное сходство некоторых сторон общественной и экономической жизни этих районов с государствами древнего Востока. Гражданский кодекс города Гортинны содержит богатейший материал по истории рабовладения, семейному и наследственному праву — разделам, которые больше всего соприкасаются с древневосточными законодательствами. Это не случайное совпадение и не заимствование, причины этого сходства заключаются в общей линии исторического развития рабовладельческого общества. Неразвитая частная собственность на землю, затянувшийся процесс окончательного распада родоплеменных отношений обусловили существование многообразных сходных явлений в общественной жизни таких различных политических объединений, какими были полисы Крита в VI—V вв. до н. э. и государства древнего Востока.

Основным источником по данной теме является законодательство города Гортинны, относящееся примерно к 80-м годам V в. до н. э., — единственный целиком сохранившийся памятник раннегреческого городского права. Этот факт повышает и без того большой интерес к богатейшему юридическому документу, содержащему обильный и ценный материал по истории экономических, социальных и правовых отношений в полисе архаической и раннеклассической эпох.

Однако, несмотря на все богатство материала, содержащегося в Гортинской надписи, памятник этот до сих пор не привлекал к себе должного внимания со стороны исследователей-историков. В то время как дорийский диалект Гортинской надписи и законодательство как памятник права стали предметом живого интереса со стороны филологов и юристов сразу же после открытия источника¹, Гортинская надпись оказалась в сто-

¹ I. u. F. B a n n a c k, Die Inschrift von Gortyn, Lpz. 1885; F. B e r n h ö f f, Die Inschrift von Gortyn, Stuttgart, 1886; F. B ü c h e l e r u. E. Z i e t e l m a n n.

роне от внимания историков античности. Вплоть до 50-х годов XX в. материал Гортинского законодательства лишь в незначительной степени привлекался в отдельных трудах общего характера². Из русских историков большое внимание Гортинскому законодательству уделял Р. Ю. Вишпер, рассматривавший его с точки зрения раннегреческого городского права³. М. М. Хвостов в 1923—1924 гг. организовал специальный студенческий семинарий по Гортинской правде, из которого вышло несколько студенческих рефератов на специальные темы⁴. В последнее время наметился некоторый перелом в вопросе изучения так называемых «отсталых» областей Греции. В частности, вышли крупные монографии, посвященные истории Спарты, Крита и др.⁵.

Из работ, трактующих те или иные проблемы истории Крита, следует назвать монографию Эффентерра⁶, превратившуюся в исследование литературной традиции о Крите и не ставящую задачи связать ее с конкретной историей и социально-экономическим строем, и монографию П. Демарна⁷, посвященную разбору археологических данных и некоторых других (мифологических и искусствоведческих) проблем. Только в работах Виллетса⁸ и Кирстена⁹ делаются попытки исследовать общие черты социально-экономических отношений на Крите в архаическую и раннеклассическую эпохи. Прекрасно зная материал критских источников, Кирстен во многом возвращается к взглядам немецкой историографии начала XX в. Так, он отрицает наличие родовых пережитков на Крите, считая род понятием чисто политическим, возникшим в связи с развитием олигархии на Крите (Kirsten, ук. соч., стр. 152, 174). Признавая наличие коллективной собственности на землю в критских полисах V в. до н. э., он, однако, связывает это явление не с пережитком более ранней эпохи, а считает позднейшим институтом, т. е. по существу отрицает первоначальную общинную собственность. Эта точка зрения является лишь повторением известной теории Р. Пельмана, отрицавшего возможность существования общинной собственности на землю даже в самые отдаленные времена истории Спарты и Крита. Поэтому и сисситии, по мнению Пельмана, — это государственная организация, не связанная с аграрным строем Спарты и Крита, а являющаяся результатом военного характера общественного строя этих государств. Кирстен также считает сисситии на Крите учреждением, имеющим только политическое значение. Работа Виллетса, которую автор посвящает Дж. Томсону, выгодно отличается от монографии Кирстена. В своем исследовании Виллетс использует работу Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» и ставит своей задачей исследование и развитие нового типа общества — «критской аристократии» (Willetts, ук. соч., стр. 17), возникшей в результате

Das Recht von Gortyn, RM, 40 (1885); D. Comparetti, Le leggi di Gortyna..., «Monumenti antichi publ. per cura della Reale Acad. dei Lincei», Rome — Milan, 1890; L. Kohler u. E. Ziebarth, Das Stadtrecht von Gortyn, Göttingen, 1912; F. Bechtel, Die griechischen Dialekte, B., 1921—1924; F. Blass, Die kretischen Inschriften, SGDI, III, 2—3, 1905; M. Guarducci, Inscriptiones Creticae, I—IV, Roma, 1936—1950.

² R. Phölmann, Geschichte der sozialen Frage und des Sozialismus in der antiken Welt, Münch., 1926; G. Glotz, La solidarité de la famille dans le droit criminel en Grèce, P., 1904.

³ Р. Ю. Вишпер, История Греции в классическую эпоху, М., 1916.

⁴ Ю. А. Иванов, Рабы в Гортинской папирсе..., «Уч. зап. Саратовск. ун-та», II (1924), 3, стр. 3—21.

⁵ К. М. Т. Чризмес, Ancient Sparta, Manchester, 1949; Н. Мичелл, Sparta, Cambr., 1952.

⁶ H. Effenterre, La Crète et le monde grec de Platon à Polybe, P., 1948.

⁷ P. Demargne, La Crète dédalique, P., 1947.

⁸ R. F. Willetts, Aristocratic Society in Ancient Crete, L., 1955.

⁹ E. Kirsten, Die Insel Kreta in V—IV-ten Jahrhundert, Lpz., 1936.

вторжения дорийских племен, находившихся на уровне развития родового строя, но имеющих превосходство в техническом отношении. Критской семье в работе Виллетса уделяется особая глава. Из работ советских историков следует указать статью К. М. Колобовой «Войкеи на Крите» (ВДИ, 1957, № 2), в которой автор, исследуя вопрос о критской войкии, касается также и некоторых моментов критского наследственного права.

* * *

Ф. Энгельс, говоря о возникновении семьи, характерной для классового общества, писал: «Моногамия возникла вследствие сосредоточения больших богатств в одних руках, именно, — в руках мужчины, и из потребности передать эти богатства по наследству детям этого мужчины, а не другого»¹⁰. Указывая на разнообразие форм семьи в древности, Ф. Энгельс также отмечал, что у самих греков моногамная патриархальная семья может иметь различный характер. Так, имеется существенная разница между семейными отношениями у афинян и спартанцев: «У позднейших греков следует проводить различие между дорянами и ионийцами. У первых, классическим образцом которых служит Спарта, существуют брачные отношения во многом еще более архаические, чем изображенные у Гомера» (там же, стр. 63).

Критские семейные отношения, более развитые, чем в Спарте¹¹, все же сохранили ряд черт, идущих от эпохи родового строя. Пережитки матриархата, существовавшие в семейных отношениях различных греческих полисов, а также на Крите, свидетельствуют о том, что матриархат — не случайное явление, свойственное «отсталым» народам, а общая стадия развития человеческого общества.

Гортинское законодательство, как и другие древние юридические памятники, значительное внимание уделяет вопросам семьи, заключению брака, разводам, имущественным правам супругов, порядку наследования, положению дочерей-наследниц и т. д. «С патриархальной семьей, — писал Ф. Энгельс, — мы вступаем в область писаной истории и вместе с тем в ту область, где сравнительное правоведение может оказать нам значительную помощь» (там же, стр. 58).

Критское государство, заинтересованное в получении воинов, большое внимание уделяет вопросам семьи и брака, оно регулирует частную жизнь граждан. Точнее, семья и брак на Крите являлись не частным делом гражданина, а государственным.

Понятие законного брака на Крите распространялось не только на свободных полноправных граждан, но и на апетайров, и на некоторые категории рабов. Семья апетайра слишком мало известна по источникам, и нет возможности исследовать ее сколько-нибудь подробно¹². Зато богатейший материал имеется в Гортинском законодательстве по вопросам семейного и наследственного права у свободных полноправных критских граждан.

Критское законодательство различает два понятия — *брак*, что значит жениться, выйти замуж, вступить в законный брак, и *связь* — иметь связь. Возраст при вступлении в брак определяется только для дочери-

¹⁰ Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, М., 1953, стр. 76.

¹¹ О семейных отношениях в Спарте см. из русских работ — Е. Г. Кагаров, Пережитки первобытного коммунизма в общественном строе древних греков и германцев, М.—Л., 1937.

¹² О семье рабов на Крите см. Л. Н. Казаманова, Рабовладение на Крите в VI—IV вв. до н. э., ВДИ, 1952, № 3, стр. 26 слл.; Колобова, ук. соч., стр. 41.

наследницы¹³, которой законом предписывается «выходить замуж двенадцати лет или старше» (Г. З., XII, 35). Впрочем, мог быть установлен и более ранний возраст, чем обычно, — в целях предупреждения возможных попыток преждевременного противозаконного захвата имущества эпиклеры. Юноши на Крите считались совершеннолетними и получали политические права восемнадцати лет, очевидно, в это время они должны были жениться. По крайней мере Эфор сообщает: «Все вышедшие в одно и то же время из агелы юноши обязаны жениться одновременно» (Strabo, X, 4, 20). Безбрачие, очевидно, либо вовсе не допускалось, либо встречало отрицательное отношение со стороны общественного мнения, как это было в Спарте в первом случае, во втором — в Афинах.

В Гортинском законодательстве отсутствует целый ряд моментов, связанных с заключением брака. В то время как различные восточные законодательства подробно останавливаются на формальной стороне вопроса, Гортинские законы обходят все формальные моменты молча. Так, только у Страбона (X, 4, 20) мы находим упоминание о приданом: «Приданое, если есть у невесты брата, составляет половину части брата». Отсутствие выкупной платы, обычной в государствах древнего Востока, и приданое, являвшееся собственностью женщины, несколько облегчало ее положение в критской семье. На Крите допускались подарки, которые могли делаться дочери — отцом, жене — мужем или матери — сыном. Однако сумма дарственных денег или стоимость вещи все же строго регламентируется (Г. З., IV, 45 сл.; 47 сл.). На основании одной из статей Гортинского законодательства можно сделать вывод, что только до установления, фиксированного в Кодексе V в. до н. э., право дарения не ограничивалось (IV, 47 сл.; см. также XII, 1 сл.). Таким образом, критское право не знает свободы дарения имущества жене мужем, как это, например, еще существует в Законах Хаммурапи (ст. 150). Очевидно, ограниченные права дарений было вызвано в V в. до н. э. ростом богатства, концентрацией имущества в руках одной группы общества, что встречало сопротивление со стороны всего населения. Эти явления нашли отражение в борьбе законодательства с ростом роскоши и богатств. Достаточно вспомнить законы Солона, например, об ограничении захоронения ценных предметов при погребении и др. Дарственные суммы в критских полисах, в частности в Гортине, не могли превышать 100 статов, в противном случае родственники, имеющие право на получение наследства, имели право получить излишек в свою пользу (Г. З., X, 15 сл.). Возможность дарения в случае развода ограничивалась еще больше. Интересно отметить, что подарок при разводе могли делать и муж, и жена. Но его стоимость не должна была превышать 12 статов (III, 39 сл.). Замечания об ограничении дарственных сумм касаются не только дарений при разводе и свадебных подарков, но и всех подарков, делаемых сыном — матери, отцом — дочери, мужем — жене и женой — мужу.

Для моногамной патриархальной семьи характерно стремление к сохранению прочного брака, развод часто бывает осложнен целым рядом формальностей. На Крите же мы встречаемся с существованием почти ничем не ограниченного права развода, причем инициатором бракоразводного процесса могут быть как муж, так и жена. Причины, вызывающие расторжение брака, остаются неизвестными. Очевидно, это были обычные причины, указанные в ряде восточных законодательств и встречающиеся в спартанских обычаях, как, например, бездетность¹⁴, болезнь жены, нарушение супружеской верности (З. X., стр. 148). Спартанские брачные

¹³ *πατροκλος* на Крите, *επικληρος* в Афинском праве.

¹⁴ З. X., ст. 138, 139; Бытие, 30 (1—5); Законы Ману, IX, 81.

обычай допускают возможность не только расторжения брака, но и просто нарушения обычных норм семейной жизни в четырех случаях.

1. При бездетности жены допускается развод, и мужу предоставляется право жениться на другой женщине.

2. Несколько братьев имели право считать своей женой одну и ту же женщину, обычно жену старшего брата (объясняется неделимостью клеров).

3. В случае бесплодия мужа жена могла вступить в связь с другим мужчиной, но брак при этом не расторгался.

4. Мужчина мог вступить в связь с женой своего друга¹⁵.

Три последних случая на Крите не встречаются, и обусловлены они были известной примитивностью спартакских семейных отношений. На Крите, по данным Гортинского законодательства, право расторжения брака предоставлялось не только мужчине, но и женщине. Были возможны случаи, когда муж утверждал, что не он является «виновником» развода (Г. З., II, 55 сл.). Если в данном случае возможно двойное толкование слова *τὸ αἴτιον* как зачинщик, инициатор развода или как причина развода, от чего зависит смысл статьи, то другая статья не оставляет места для сомнений относительно права женщины начинать бракоразводный процесс¹⁶.

Критское государство, вмешиваясь в семейные отношения граждан, выступает как защитник прав собственности рабовладельца. Основная задача семьи в рабовладельческом обществе — сохранение имущества в пределах семьи путем передачи его прямым наследникам. Критское законодательство строго регулирует вопросы, касающиеся имущественного положения жены, мужа и детей при расторжении брака и разделе имущества в случае смерти отца или матери. Жена в случае развода сохраняет власть над своим имуществом, т. е. над теми вещами, которыми она обладала до заключения брака (II, 45 сл.). Кроме того, жена получает половину дохода, который поступает от ее имущества, а также половину того, что «наткала» (т. е., очевидно, в данном случае приобрела во время замужества). В том случае, если виновником бракоразводного процесса оказывается муж, то жена имела право получить с него дополнительно 5 статов (II, 55). Таковы материальные права женщины после развода. Законодательство охраняет права мужа на оставшееся у него имущество. Кроме указанного выше, жена не имеет возможности взять что-либо без разрешения мужа. При нарушении этого условия с виновной взимался штраф в размере 5 статов, и она должна была возместить то, что «похитила» у мужа. Незаконным образом взятое женой имущество рассматривалось как похищенное¹⁷. Законы предусматривают случаи возможного обмана и нарушения принесенной клятвы. Одна из статей Гортинского законодательства пресекает возможность соучастия в похищении, очевидно, каких-либо родственников жены, так как в другой статье речь идет о посторонних гражданах: «Если кто-либо из посторонних будет содействовать (краже), то пусть уплатит 10 статов и двойную стоимость вещи» (III, 10 сл.). Таким образом, все имущество, кроме приданого, половина дохода с имущества женщины и половина приобретенного ею имущества считается собственностью мужа, и закон преследует нарушителей этого права собственности.

Далее регулируются вопросы собственности в случае смерти мужа. Различаются два варианта: муж оставляет жену с детьми и бездетную

¹⁵ См. Кагаров, ук. соч., где приведены свидетельства античных авторов о спартакской семье.

¹⁶ Г. З., I, 45 сл...; «Если жена разводится с мужем...».

¹⁷ Г. З., III, 1 сл.; сравни с Ассирийским законодательством, § 3, 23—31.

жену. В первом случае все имущество покойного главы семьи принадлежит детям, а мать получает то, что предписывается ей получить при разводе. («Если муж умер, оставив детей, то если жена хочет, пусть выходит замуж, имея свое (имущество), и то, что дал муж, согласно предписанному, в присутствии трех совершеннолетних свободных свидетелей. Если она унесет что-либо из имущества детей, за это будет подлежать суду»). Жена не получает всего имущества мужа после его смерти и в случае отсутствия законных детей — единственных прямых наследников отцовского имущества. В этом случае она остается владелицей лишь указанного выше имущества, причем закон допускает соучастие родственников, имеющих право на наследство (III, 25).

Имущество, являющееся собственностью женщины, после ее смерти может принадлежать лишь ее детям (VI, 22 сл.). Их отец не имеет права распоряжаться этим имуществом самостоятельно и является его владельцем лишь до совершеннолетия детей (XI, 30). Муж не получает этого имущества и в случае смерти своей жены, а оно, очевидно, переходит в первую очередь к сыновьям, а в случае их отсутствия остается у родственников по материнской линии (III, 3 сл.). Таким образом, имущественное положение критской женщины было безусловно лучше положения, в котором находилась женщина в древнем Риме по данным Законов XII таблиц или в ряде стран древнего Востока, где при расторжении брака женщина в лучшем случае имела возможность получить лишь свое приданое и некоторые принадлежащие ей лично вещи¹⁸. Однако ее положение было значительно более тяжелым, чем имущественное положение вавилонской женщины эпохи Хаммурапи. Согласно кодексу Хаммурапи, законным считалось отвергнуть бездетную жену. Однако муж обязан был ей вернуть выкупную плату (*tirhatu*) и приданое (*siku*), а в случае отсутствия выкупной платы должен был уплатить одну мишу серебра. Если муж отвергал жену без достаточно законных оснований, то он нес еще более существенный материальный убыток. Если же отвергнутой была жена с детьми, то муж обязан был выделить ей еще и часть поля, сада и другого имущества, чтобы она могла вырастить своих детей. Когда ее дети вырастут, должно «выделить ей из всего данного ее детям часть, равную доле отдельного наследника...» (З. X., ст. 137). Однако, если по законам Хаммурапи женщине выделяется определенная доля наследства, часть поля, сада и другого имущества, то на нее возлагается обязанность растить детей, оставшихся после развода у нее. Законодательство из имущества отца обеспечивает материальную основу самостоятельной жизни разведенной или брошенной мужем жены, а также возможность воспитывать детей. Критское семейное право не знает этого явления, поэтому, согласно критским законам, женщина, которую оставил муж, не была обязана воспитывать своих детей. Более того, ребенок, родившийся уже после расторжения брака, должен быть предъявлен отцу (это равным образом предписывается и свободной женщине, и войне — Г. З., IV, 45 сл.). Ребенок оставался у матери лишь в том случае, когда от него отказывался отец, но тогда женщине предоставлялась полная свобода действий: «Если он не примет, то пусть у матери будет (право) воспитывать ребенка или подкинуть» (III, 50 сл.). Подкидывание и выкидывание ребенка каралось только в одном случае, — если оно совершено без предоставления ребенка отцу.

Переходим к рассмотрению вопросов, связанных с разделом имущества и наследственным правом. Порядок наследования имущества тесно связан с экономической структурой общества и отражает характерные особенности форм собственности на землю и на движимое имущество¹⁹.

¹⁸ Законы XII таблиц, IV, 3; Ассирийское законодательство, § 38, 15—19.

¹⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIII, ч. I, стр. 336.

Исследование порядка наследования, проливая свет на характер семейных отношений, помогает уяснить некоторые проблемы, связанные с вопросом о формах собственности на Крите. Гортинское законодательство большое внимание уделяет наследственному праву, строго регулирует порядок раздела имущества при жизни отца и после его смерти. Очевидно, в первом случае раздел имущества допускался в виде исключения (Г. З., IV, 25; ср. IV, 30). Раздел имущества при жизни отца допускается, например, когда один из сыновей подвергнут штрафу на основании решения суда. Отец не обязан выплачивать сумму штрафа из своего имущества, поэтому производится раздел имущества, и сыну выделяется его доля, чтобы он самостоятельно уплатил сумму штрафа. Только отец мог производить раздел имущества. Критская семья здесь предстает перед нами как патриархальная с ярко выраженным отцовским правом. При жизни отца сыновьям запрещается продавать или закладывать имущество (VI, 1 сл.). Так же охраняется и собственность матери (*τῆ μητρώια*) — она могла делиться только с согласия матери или после ее смерти на тех же основаниях, что и имущество отца (IV, 45). Оставшиеся после смерти отца наследники могли и не производить раздела, однако законом поощряется стремление разделить имущество. Так, заинтересованная в разделе и стремящаяся к его осуществлению часть родственников, обладающих правом на получение наследства (*οἱ ἐπιβόλλοντες*), имеет при дележе материальные преимущества: «Если одна часть из имеющих право на наследство захочет разделить имущество, а другая часть не захочет, то пусть судья присудит, чтобы все имущество получили те, которые хотят раздела, до тех пор пока не разделятся» (V, 30). Очевидно, что нежелание некоторых наследников производить раздел имущества объяснялось характером собственности на землю в V в. до н. э. Как нам уже приходилось указывать, земля в начале V в. до н. э. в критских полисах была собственностью рода и находилась лишь во владении отдельных семей²⁰. Земельные участки разделу не подлежали. Однако интересно, что государство поощряет раздел движимого имущества, как это видно из приведенного выше материала. Подвергаться разделу могли все виды движимого имущества, скот, одежда, пища, а также городское жилище, т. е. все, за исключением основного вида недвижимой собственности — сельского жилища и клера с сидящими на нем войкеями- кларотами (V, 35, 40 сл.). Все имущество, подлежащее разделу, согласно Гортинскому законодательству, после смерти отца поступает в распоряжение прямых потомков. Все сыновья, независимо от их количества и возраста, получают равную долю движимого имущества. Дочь получает половину наследственной доли сына (Г. З., IV, 40 сл.).

Неделимость земельных участков, а вместе с тем разрушение «большой» семьи были причиной увеличения категории людей, не имевших земельной собственности и лишившихся политических прав. Возможно, что младшие сыновья, не получившие земельных участков, попадали в разряд так называемых асетайров, о существовании которых нам хорошо известно из Гортинских законов. Все эти процессы глубоко волновали греков. Так, уже Платон в «Законах» предлагает ввести особое должностное лицо, которое должно было поддерживать, во-первых, определенное и постоянное количество граждан, а, во-вторых, заботиться о лишенных земельной собственности наследниках. В своем проекте идеального государства, в котором отразились черты общественного строя критских полисов, Платон предлагает провести следующее мероприятие: «Проч-

²⁰ См. К а з а м а л о в а, Рабовладение на Крите: она же, Некоторые вопросы социально-экономического строя критских полисов в VI—IV вв. до н. э., ВДШ, 1957, № 3, стр. 78 слл.

ности во всем государстве можно достигнуть так: обладатель надела оставляет в наследство свое жилище всегда лишь одному из своих детей — самому любимому, который будет его преемником, почитателем богов, рода, государства и граждан, живущих или уже закончивших свой век. А из остальных детей, если у кого их несколько, девочек устраивают согласно закону, который будет установлен, мальчиков же отдают в сыновья тем из граждан, у кого нет потомства, руководясь при этом более всего личным благорасположением...» (*Leges*, V, 10).

Критское наследственное и семейное право отражает экономическую структуру критского общества. Так, в форме наследования земельной собственности выражается примитивность формы землевладения (сохранение участка за определенными лицами, неделимость клеров), а порядок наследования движимого имущества соответствует патриархальной форме критской семьи, сохранившей еще пережитки матриархата и не принявшей того резко патриархального характера, какой она имела в Ассирии или Израиле.

Прямыми законными наследниками на Крите являлись сыновья умершего, а если они отсутствовали, то имущество переходило к внукам и правнукам. В том случае, если не было прямых наследников, то право на наследство приобретали братья умершего, затем его племянники и внучатые племянники (V, 10 и 15 сл.). И, наконец, если отсутствовали родственники по мужской линии, право на наследство получали дети сестры и внучатые племянники со стороны сестры (V, 10). Если же отсутствовали и последние, то наследство должно было перейти к *οἱ ἐπιβάρωντες* (имеющим право на получение наследства), родственникам наследодателя, в какой бы степени родства они ни состояли, т. е. к членам его рода (V, 20 сл.). В самом крайнем случае наследовали имущество те, «которые составляют клер войкии»²¹.

Состав *οἱ ἐπιβάρωντες* — тех, кому «надлежит» наследовать имущество умершего в случае отсутствия ближайших агнатов, в современной литературе определяется по-разному. Виллетт эту группу наследников определяет, как родственников, которые, не являясь членами данной семьи, принадлежали к тому же роду (ук. соч., стр. 66). К. М. Колобова писала, что *ἐπιβάρωντες* — это наследники, «связанные какой-либо степенью родства» (ук. соч., стр. 29). Оба эти толкования термина *ἐπιβάρωντες* являются неопределенными, да и Гортинское законодательство не может внести ясность в этот вопрос. Нам представляется полезным поэтому обратиться к сравнительному материалу Аттического права, известному нам особенно хорошо по речи Демосфена против Маккартата²². Для наглядности графически изобразим порядок наследования имущества по Гортинскому и по Аттическому праву.

В установлении порядка наследования первых трех групп наследников в Аттическом и Гортинском наследственном праве обнаруживается абсолютное сходство. В обоих случаях в первую очередь наследуют самые близкие агнаты. И в Гортинском, и в Аттическом наследственном праве в случае отсутствия сыновей у наследодателя имущество переходит к дочери-наследнице, эпиклере. Однако Аттическое право дает более дробную систему наследования, показывая порядок перехода наследства и в случае отсутствия ближайших агнатов (IV, V, VI, VII группы родственников).

²¹ Г. З., V, 25 сл. Это место Г. З. вызвало большую литературу, однако его толкование и понимание и в настоящее время нам представляется спорным. Подробно об этом см. Колобова, ук. соч., стр. 30 сл.; там же приведена и литература вопроса.

²² Dem., XLIII, 51. Об Аттическом праве см. P. Beauchet, Histoire du droit privé de la république Athénienne, I—IV, P., 1897.

ГОРТИНСКОЕ ПРАВО

Наследодатель

Сыновья Внуки Правнуки	Братья Племянники Внучатые племянники	Сестры Племянники Внучатые племянники	ἐπιβάλλοντες	κλῆρος
I гр.	II гр.	III гр.	IV гр.	V гр.

АТТИЧЕСКОЕ ПРАВО

Наследодатель

Сыновья Внуки Правнуки	Братья Племянники Внучатые племянники	Сестры Племянники Внучатые племянники	Дяди по отцу Двоюрод- ные братья	Тетки по отцу Двоюрод- ные братья	Дяди по матери Двоюрод- ные братья	Тетки по матери Двоюрод- ные братья
I гр.	II гр.	III гр.	IV гр.	V гр.	VI гр.	VII гр.

Исходя из полного совпадения первых трех групп наследников в Атике и в Гортине, нам представляется возможным толкование гортинского термина δ : ἐπιβάλλοντες на основании данных Аттического права. Вполне вероятно, что под этим термином Гортинское право имеет в виду IV, V, VI и VII группы наследников. И. Колер считает, что Гортинское право позволяет наследовать только агнатам, согласно степени их родства с умершим (ук. соч., стр. 108). Однако в свете изложенного материала это толкование представляется необоснованным. К. М. Колобова правильно указывает на неопределенность значения термина ἐπιβάλλοντες в Гортинском законодательстве, где он определяет группу родственников «то со стороны отца, то со стороны матери, то и со стороны матери, и со стороны отца» (ук. соч., стр. 33).

Итак, исходя из аналогии с Аттическим правом, под термином ἐπιβάλλοντες нам кажется возможным понимать прежде всего дядей (и двоюродных братьев) и теток (и двоюродных братьев) наследодателя по отцовской линии, а затем этих же родственников по материнской линии.

Таким образом, принцип родовой собственности сохраняется на Крите в V в. до н. э. и распространяется не только на недвижимое, но и на движимое имущество²³. Род еще сохраняет значительную силу. Порядок наследования на Крите близок к таким же установлениям Законов XII таблиц (V, 4, 5; Gai, Inst., III, 17, 24). Отличием является то, что согласно Гортинскому законодательству, к наследованию имущества допускались не только родственники по мужской линии, но и по женской — племянники и внучатые племянники со стороны сестры умершего. Это можно объяснить сравнительно высоким правовым и материальным положением критской женщины.

При всем стремлении государства законодательным путем удержать

²³ Буржуазные ученые обычно основное внимание обращают на религиозное значение эпиклера. Экономический смысл этого явления остается в тени или вовсе опускается. Ср. Веа uchet, ук. соч., I, стр. 399.

имущество в пределах рода случаи перехода наследства в другой род на Крите встречались. Например, когда умирал должник или приговоренный решением суда к уплате денег, родственники, имеющие право на получение наследства умершего (члена рода), могли получить его при условии уплаты долга или штрафа. Но они не были обязаны делать этого и, в случае их отказа от выполнения этих условий, имущество могло попасть в руки кредитора или выигравшего судебный процесс относительно этих денег (Г. З., XI, 30 сл.).

На Крите мы встречаемся с широко распространенным в древности институтом дочерей-наследниц. Эпиклерат был распространен в Греции как в Аттике (согласно Аттическому праву), так и во многих других областях²⁴. Например, согласно Аристотелю, «у фракийских халкидцев был законодатель Андродамант, уроженец Регия. В числе его законов, касающихся убийств, есть и закон о дочерях-наследницах; впрочем, вряд ли кто мог бы указать на какую-либо оригинальную черту в законодательстве Андродаманта» (Polit., II, 9, 9). Концентрацию земли в Спарте Аристотель объясняет отчасти тем, что в Лакедемонне существует значительное число дочерей-наследниц и что там за дочерьми дают большое приданое (там же, II, 6, 10). Значительная часть Гортинских законов посвящена рассмотрению вопроса об эпиклерах (πατρούχος), например, тщательно регламентируется поведение дочерей-наследниц. Такое внимание к эпиклерам объясняется прежде всего тем, что в том случае, когда дочь остается единственной наследницей имущества отца, возникает проблема сохранения имущества внутри рода, играющая столь большую роль в Критском законодательстве и в жизни критского общества. Гортинское законодательство дает точное определение понятия дочери-наследницы: «Пусть дочерью-наследницей является та, у которой нет отца или брата от того же отца» (X, 40 сл.).

Была ли единственная дочь в прямом смысле наследницей отцовского имущества? На этот вопрос следует дать отрицательный ответ. Дочери-наследницы на Крите не имели права собственности на все имущество отца. Они служили лишь связующим звеном между отцом и его внуками, к которым впоследствии должно было перейти отцовское имущество, своеобразным орудием сохранения имущества внутри того же рода.

Эпиклера на Крите не могла выйти замуж за любого гражданина. Прежде всего закон предписывает ей выходить замуж за дядю со стороны отца (XII, 15), в случае его отсутствия — за двоюродного брата (сына старшего брата отца — XII, 15 сл.; 25 сл.). Здесь мы встречаемся с распространенным в ряде стран древнего Востока и Греции явлением левирата и сорората²⁵. По законам Солона на эпиклере также должен был жениться старший брат отца, затем сыновья братьев (племянники умершего), двоюродные братья. В случае отсутствия ближайших родственников согласно Аттическому праву на эпиклере должны были жениться прежде всего агнаты. Полную аналогию Аттическому праву в этом отношении мы имеем на Крите. Таким образом, будучи первоначально пережитком группового брака, левират на Крите приобрел новый смысл и сохранился лишь потому, что способствовал удержанию имущества внутри рода и соответствовал теперь не форме семьи, а характеру экономических отношений и формам собственности.

Особенно внимательно следует остановиться на рассмотрении двух

²⁴ И. К о л е р (ук. соч., стр. 111) в свое время уже указывал, что понятие дочери-наследницы в Афинах и в Гортине было одинаковым. См. также В е а и с е т, ук. соч., II, стр. 399 сл.

²⁵ Ср. Второзаконие, 25; Хеттские законы, II, ст. 79; Ассирийские законы, § 34, ст. 56—68; § 44, ст. 19—26; Законы Ману, IX, 69.

статей Гортинского законодательства, касающихся положения дочери-наследницы, не достигшей брачного возраста. При отсутствии родственников со стороны отца сирота до достижения совершеннолетия имеет право пользоваться имуществом отца, кроме того, она может воспитываться и жить у матери или родственников со стороны матери (VIII, 50 сл.). Правда, здесь имеется в виду случай, когда у эпиклера отсутствует опекун, которым являлся прежде всего ближайший родственник отца.

Гортинские законы упоминают об особой должности, очевидно, специально учрежденной, чтобы следить за соблюдением законов о дочерях-наследницах, не достигших брачного возраста, и осуществляющей опеку над несовершеннолетней наследницей, о так называемых орфанодикастах. Этот термин встречается только в сочетании с несовершеннолетней сиротой-наследницей. Одна из статей гласит: «Если у дочери-наследницы нет родственников, имеющих право на ней жениться, и нет орфанодикастов, то пусть она воспитывается у матери (XII, 25 сл.). Об имуществе отца и матери в таком случае должны, очевидно, заботиться члены рода (XII, 20 и 30). Упоминание относительно роли родственников со стороны матери в воспитании сироты свидетельствует о пережитках материнского права, при котором дядя со стороны матери играет первую роль среди родственников, на нем, в частности, лежит забота о детях сестры. Однако не следует преувеличивать значение родственников по материнской линии на Крите, так как они упоминаются лишь один раз и при исключительных обстоятельствах — в случае с дочерью-наследницей, при отсутствии агнатов. Гортинские законы о дочерях-наследницах преследуют родственников, отказывающихся жениться на эпиклерах, по суду они лишаются права на ее имущество (VII, 40 сл.).

Несовершеннолетний родственник заранее получал некоторое право на имущество эпиклера — половину дохода. При отсутствии ближайших родственников закон предписывает эпиклере выходить замуж за любого из членов своей филы: «Если родственника, имеющего право жениться на дочери-наследнице, нет, то пусть она по своему желанию выходит замуж за того из филы, который добивается (ее руки)» (VII, 50). Это правило повторено в Гортинском законодательстве дважды (VIII, 10 сл.).

При любых обстоятельствах наследница обязана была выйти замуж только внутри своей филы. Ее интересы и желания не учитываются, а в случае сопротивления ограничиваются ее права на имущество. Отвергнутый ею родственник, имевший право жениться на ней, получает материальное вознаграждение (VIII, 15 сл.). Законодательство предусматривает расторжение уже ранее заключенного брака в том случае, если женщина оказывается наследницей имущества отца (VIII, 25). При этом очень важны различия, которые делаются, когда у женщины есть дети, т. е. прямые наследники имущества ее отца, и когда их нет. В первом случае женщина может не расторгать брака, и, наоборот, если у нее нет детей, то она обязана расторгнуть брак, который считается теперь незаконным, и, получив все имущество отца, должна выйти замуж за ближайшего родственника отца или члена ее филы. Точно в таком же положении оказывается вдова, ставшая наследницей отцовского имущества. Если у нее есть дети, то она не обязана выходить замуж, так как имущество деда получают внуки (VIII, 30 сл.). Если же детей не окажется, то вдова-эпиклера должна была вновь выйти замуж за ближайшего родственника отца или члена своей филы (VIII, 35).

Относительно прав эпиклера на имущество, полученное ею от отца, в Гортинском законодательстве существуют два противоречивых постановления, очевидно, относящиеся к разному времени. Первое предоставляет наследнице право закладывать и продавать часть имущества отца

(IX, 5). Другая статья имеет противоположный смысл и запрещает всякое отчуждение отцовского имущества (IX, 10). На мысль о том, что это два одновременных установления, наводит оговорка во втором случае: «За то, что произошло раньше, пусть не подлежит суду» (IX, 15 сл.). Очевидно, последнее распоряжение является нововведением, а за прошлые поступки ответственность снимается. Таким образом, узаконено полное бесправие эпиклеры по отношению к имуществу ее отца. В буржуазной историографии основное внимание при объяснении эпиклерата, как и адаптации, обращается на его религиозную сущность. Так, исследователь Атического права Боше считает, что «у греков, как у большинства народов древности... адаптация первоначально связана с религиозной идеей» (ук. соч., II, стр. 2). Экономическая же сторона этого явления часто остается в тени или вовсе опускается.

По данным Гортинского законодательства остается неясным, передавалась ли обязанность участия в родовом культе через эпиклеру. Обязанность исполнения культовых обрядов лежит на сыне (Kohler, ук. соч., V, стр. 35). В случае отсутствия родных сыновей эти обязанности могли передаваться усыновленному. Вместе с получением по наследству от усыновившего земельного участка и всего другого имущества приемный сын обязан был исполнять все обряды, связанные с культом (X, 40 сл.). Уже Аристотель в общем правильно указывал экономические причины усыновления в древности: «Филолай, между прочим, установил в Фивах также законы, касающиеся деторождения (эти законы фиванцы называют законами об усыновлении), они были установлены Филолаем специально с целью сохранения (одинакового числа) земельных наделов (Polit., II, 9, 6).

Гортинское законодательство различает два случая усыновления — усыновление при отсутствии собственных детей и усыновление при существовании родных детей. В первом случае, как мы видим, приемный сын становился прямым наследником всего движимого и недвижимого имущества приемного отца и включался в его культ. О причинах усыновления во втором случае, когда усыновленный не является полноправным сыном, мы говорили в другой связи²⁶. Усыновление на Крите производилось публично на площади, где происходили народные собрания. Об отказе от приемного сына усыновивший также должен был объявить перед собравшимся народом. Приемный отец, кроме передачи имущества усыновленному, никаких обязательств по отношению к нему не имел.

* * *

Итак, критская женщина занимала сравнительно высокое положение в обществе и обладала значительными материальными правами, являясь хозяйкой своего собственного имущества, в которое входило приданое (или наследственная доля), она имела возможность получить половину дохода со своего имущества, пущенного в оборот. Муж не имел прав на собственность жены. Дочери участвовали в наследовании отцовского движимого имущества и имущества умершей матери. Если после смерти матери оставался дом, то он поступал в распоряжение дочерей, а не сыновей, т. е. дочери имели преимущество в наследовании имущества матери. Таких имущественных прав не было у женщины ни в Аттике, ни в Риме, ни в одной из стран древнего Востока. Критские женщины, подобно спартанкам, присутствовали на спортивных состязаниях. «На Крите в числе зрителей игр обычно позволяют находиться и женщинам», — сообщает Плутарх (Thes., 19). Таким образом, о положении критских женщин можно сказать то же самое, что говорил Энгельс о спартанках: «Спартанские женщины и

²⁶ См. Казаманова, Рабовладение на Крите, стр. 44—45.

избранная часть афинских гетер были в Греции единственными женщинами, о которых древние говорят с уважением и высказывания которых они признают заслуживающими упоминания» (Происхождение..., стр. 64).

Высокое общественное и экономическое положение женщины на Крите было первым из целого ряда родовых пережитков, которые сохранила критская семья. Влияние рода и родовой коллективной собственности отражено в наследственном праве — в характере наследования имущества членами родовой организации. Пережитками родового строя можно считать явления левирата и авункулата. Родственники по женской линии на Крите еще играют значительную роль в жизни общества. Например, в случае отсутствия у эпиклеры родных со стороны отца она должна была воспитываться у родственников матери — дяди или братьев. Другим пережитком матриархата в критской семье является уже упоминавшийся случай матрилилокального поселения при браке свободной женщины с войкеем²⁷. Важно, что при матрилилокальной форме поселения дети раба и свободной женщины наследуют свободное состояние матери. Признание детей от смешанных браков свободных женщин с рабами можно сопоставить со спартанским обычаем воспитывать детей спартанских граждан и рабынь (плоток) вместе с законными сыновьями спартанцев. Очевидно, оба эти случая являлись пережитком группового брака, когда все дети рассматривались как общие дети членов рода. Легкость, с которой мог расторгаться брак на Крите, и предоставление женщине права начинать бракоразводный процесс также были отражением существования на Крите в более раннюю эпоху как непрочного парного брака, так и матриархата.

Однако, несмотря на эти особенности, критская семья, в отличие от Спарты, «где существует парный брак, видоизмененный государством в соответствии с местными воззрениями и во многих отношениях еще напоминающий групповой брак» (Энгельс, ук. соч., стр. 63), была моногамной патриархальной семьей. Нарушение брачных уз и прелюбодеяние карается на Крите денежным штрафом. Из одной статьи Гортинского законодательства следует: «Если кто-либо попытается вступить в связь со свободной против желания родственников, то пусть заплатит 10 статеров, если подтвердит свидетель» (II, 20). Здесь, очевидно, под свободной женщиной имеется в виду незамужняя женщина, так как нарушение супружеской верности рассматривается критскими законами как гораздо более тяжелое преступление. Патриархальная семья и права мужа на жену охраняются более строго: «Если кто-либо захватит (человека) в прелюбодеянии со свободной в доме отца или брата, или мужа, то пусть заплатит 100 статеров, если в другом месте — 50 статеров, если с женой апетайра — 10 статеров» (II, 20—25). Свобода же незамужней женщины ограничивается прежде всего волей ее родственников и незначительным денежным штрафом, что имеет также свои корни в родовом обществе, где добрачная свобода девушки ничем не ограничивалась. Сравнительная мягкость, с какой наказывалось прелюбодеяние на Крите (достаточно вспомнить, с какой жесткостью каралось нарушение супружеской верности в Вавлоне, Израиле, Ассирии), — значительная денежная сумма взыскивалась с виновного лишь в том случае, когда преступление было совершено в доме отца, брата или мужа, чем наносилось оскорбление чести семьи, — свидетельствует о наличии в критской моногамной патриархальной семье пережитков более ранней стадии развития семейных отношений. Пережитки патриархальных отношений на Крите существуют прежде всего как остатки института с сохранением его прежнего значения (матрилилокальная форма поселения), как сохранение старого обычая или института, но с новым значением,

²⁷ К а з а м а н о в а, Рабовладение на Крите, стр. 36.

приспособленным к современным условиям (левират), и как сохранение одной внешней формы, обряда, связанного с прежним обычаем, но в данных условиях утратившего свой первоначальный смысл (например, обряд похищения невесты, перенесенный на мальчиков).

Форма критской семьи, обусловленная социально-экономическим развитием критского общества, прежде всего была неразрывно связана с существующей формой собственности на землю и другие виды имущества, что нашло свое отражение в наследственном праве. Сохранение коллективной формы собственности на Крите, существование ряда пережитков родового строя в общественной жизни обусловили определенную форму семьи и наследственного права. «Пахотная земля предоставляется в пользование отдельным семьям — сперва на время, потом раз навсегда, переход к частной собственности совершается постепенно и параллельно с переходом парного брака в моногамию», — писал Ф. Энгельс (ук. соч., стр. 169), и это вполне применимо к Криту.

Особенно же резко бросается в глаза зависимость характера семьи от формы собственности на землю в Спарте, где, по известному сообщению Полибия, братья, не поделившие земельный надел отца, могли вести общее хозяйство и имели одну жену. Наличие на Крите в V в. до н. э. патриархальной семьи, сохранившей многочисленные пережитки матриархата, свидетельствует о том, что критское рабовладельческое общество прошло последовательный путь развития через матриархат и патриархальный род к классовому рабовладельческому обществу с присущей ему моногамной семьей.

Мы уже указывали на черты сходства отдельных сторон общественной жизни критских полисов и государств древнего Востока²⁸. Несмотря на то, что в критских полисах не образовалось такой резко патриархальной семьи, как это было в государствах древнего Востока, семейные отношения на Крите и на Востоке имели много общих черт. На Крите, так же как и в ряде государств древнего Востока, была весьма распространена форма зависимости, близкая к долговому рабству, — усыновление с целью приобретения дополнительной рабочей силы в семье. Большая ценность раба в раннерабовладельческом обществе обусловила возможность заключения законного брака между рабами и свободными в критских полисах, так же как и в некоторых государствах древнего Востока. Особенно много общего было в вопросах наследственного права и имущественных отношений. Имущественное положение критской женщины было более привилегированным по сравнению, например, с положением женщины в Ассирии, но невыгодно отличалось от положения, в котором находилась женщина в Вавилоне. Критское семейное право предоставляет женщине лишь ее собственное имущество и половину дохода с него. Поэтому она не была обязана воспитывать своих детей, что нашло выражение в праве подкидывать их. Дочь-наследница не имеет права распоряжаться имуществом отца самостоятельно, например, не может передать своим детям. Дочь, получившая приданое, исключается из числа наследников отцовского имущества. Отец на Крите является единственным полноправным собственником всего имущества; ни дети, ни жена при его жизни никаких прав на это имущество не имеют. На Крите, как и в ряде государств древнего Востока, широко были распространены явления левирата и сорората, связанные с неразвитой частной собственностью на землю.

Все эти факты свидетельствуют о том, что рабовладельческие общества древнего Востока и Греции прошли единый путь исторического развития от разложения родового строя к развитому рабовладению.

²⁸ К а з а м а н о в а, Рабовладение на Крите.